

ство съ необозримой литературой затронутыхъ въ книгѣ вопросовъ поистинѣ удивительны въ одномъ изъ самыхъ блестящихъ представителей еще и другой области знанія.

М. Алдановъ.

Сборникъ статей, посвященныхъ Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилѣтія его научно-публицистической дѣятельности. Прага. 1925. Стр. 449.

Характерныя для самого юбиляра черты нашли свое выраженіе и въ этомъ сборникѣ, поднесенномъ ему его многочисленными учениками, друзьями и почитателями. П. Б. Струве отличается не только тѣсная связь у него науки съ вопросами практической жизни, но, быть можетъ въ связи съ этимъ, и чрезвычайная широта и разносторонность его научныхъ интересовъ. Экономистъ по исходной своей специальности, онъ такъ широко ставитъ вопросъ, что экономическое изслѣдованіе переходитъ у него въ юридическое и историческое, затрагивая также область методологій и общей философіи. Во всѣхъ этихъ областяхъ П. Б. Струве работаетъ одновременно и неустанно, посвящая имъ какъ предѣльные экскурсы въ своихъ монографіяхъ, такъ и множество статей въ общей и специальной прессѣ. Не удивительно поэтому, что въ сборникѣ, ему посвященномъ, мы находимъ статьи какъ по экономикѣ и статистикѣ (О. Андерсонъ, М. Бернацкій, Ал. Билимовичъ, Б. Бруцкусъ, Ал. Виттъ, Н. Долинскій, Н. Жекулинъ, А. Каминка, С. Кошъ, С. Ольденбургъ, П. Савицкій, Я. Садовскій, Н. А. Чуиловъ), такъ и по праву (П. Гроувскій, К. Зайцевъ, А. Изгоевъ, И. Ильинъ, Н. Тимашевъ), по исторіи (З. Аваловъ, Г. Вернадскій, И. Гриммъ, А. Кизеветтеръ, И. Левинъ, А. Мейсдорфъ, Б. Нольде, П. Остроуховъ), по философіи и религіи (П. Бердяевъ, С. Булгаковъ, А. Карташовъ, Г. Ландау, Н. Лосскій, Д. Михалчевъ, Г. Флоровскій, С. Франкъ).

Та же широта кругозора, въ соединеніи съ рѣдкой добросовѣстностью его какъ изслѣдователя, обусловила также и отличающій П. Б. Струве адогматизмъ мышленія. Поэтому, несмотря на безспорную связь теоретическихъ воззрѣній П. Б. Струве съ его политическими взглядами, ему до сихъ поръ всегда удавалось сохранять въ научныхъ и академическихъ вопросахъ возможное безпристрастіе и, воздерживаясь отъ внесенія въ научный споръ политической тенденціи, соблюдать чистоту и объективность научнаго изслѣдованія. Вполнѣ понятно поэтому, что среди перечисленныхъ выше авторовъ настоящаго сборника мы находимъ какъ «правыхъ», такъ и «лѣвыхъ» по нынѣшнимъ временамъ лицъ. Впрочемъ адогматичность мышленія П. Б. Струве получила въ настоящемъ сборникѣ еще болѣе яркое выраженіе. Изъ юбилейныхъ подношеній, посвященныхъ темамъ самого юбиляра, особенное вниманіе обращаютъ на себя статьи, прямо или косвенно критикующія научные взгляды П. Б. Струве. Таковы

прежде всего интересна статья *А. Чупрова* «Мѣсто понятія цѣнности въ статистической теоріи цѣны» и *С. Кона* «О статистицизаціи политической экономіи». Обѣ эти статьи направлены противъ того крайняго эмпиризма въ политической экономіи, который стремится провести П. Б. Струве особенно въ ученіи о цѣнности, изгоняя отличное отъ понятія цѣны понятіе цѣнности. Н. А. Чупровъ, и С. Конъ, отмѣчая колебанія самого Струве въ настоящемъ вопросѣ, убѣдительно показываютъ, что даже чисто статистическая теорія цѣны не можетъ обойтись безъ категоріи цѣнности, понимаемаго какъ «математическое ожиданіе цѣны» (С. Конъ) и даже «лежащей въ основѣ эмпирической цѣны», какъ ея «априорная вѣроятность» (А. Чупровъ). То же самое показывается С. Конъ и для проблемы распредѣленія, защищая противъ П. Б. Струве «здоровое ядро экономическаго универсализма». Къ указаннымъ статьямъ отчасти примыкаетъ статья *П. Савицкаго*, защищающаго право «метафизики хозяйства», столь рѣшительно отвергаемой П. Б. Струве. Въ отличіе отъ обѣихъ предыдущихъ статей она написана однако слишкомъ туманно и неопредѣленно, оставляя у читателя впечатлѣніе неясности и неудовлетворенности. — Противъ философскихъ взглядовъ П. Б. Струве, являющихся сочетаніемъ крайняго плюрализма съ номинализмомъ, косвенно направлены также статьи *Н. Лоскаго* «Интуитивизмъ и современный реализмъ» и *С. Франка* «Я и мы». Сопоставляя свою собственную философскую теорію съ ученіями американскаго и англійскаго неореализма, Н. Лоскій усматриваетъ недостаточность послѣдняго именно въ его номинализмѣ и плюрализмѣ. Защищая по своему обыкновенію правоту универсалистическаго пониманія міра, онъ подчеркиваетъ, что правильное ученіе о знаніи и бытіи должно стремиться къ «синтезу цѣнныхъ сторонъ трансцендентальнаго идеализма, развивающагося въ сторону возрожденія метафизики, съ цѣнными сторонами реализма». Въ этомъ же направленіи идетъ и интересная, изящно написанная статья С. Франка, ярко вскрывающая внутреннюю сопряженность категорій «я» и «мы». Противоборству въ эмпирической жизни, личное и сверхличное начала въ послѣдней своей основѣ тѣсно связаны другъ съ другомъ. Усмотрѣніе сверхличной основы самого личнаго бытія, такъ же какъ и личной основы сверхличнаго бытія составляетъ, по мнѣнію Франка, насущную задачу философской теоріи общества. — Характерно, наконецъ, что даже философски ближе другихъ стоящій къ П. Б. Струве болгарскій философъ *Д. Михайчевъ*, подчеркивая вліяніе на П. Б. Струве своего учителя І. Ремке, старается защитить правомѣрный смыслъ Марксовою идеи «исторической необходимости», которую Струве въ свое время научно выявилъ и которую онъ, по мнѣнію Михайчева, напрасно считаетъ нынѣ имъ преодоленною. Существо Марксовою теоріи исторіи заключается, по мнѣнію автора, не въ идеѣ классовой борьбы, а въ универсалистическомъ пониманіи исторической дѣйствительности какъ единаго цѣлаго.

Статей, примыкающих къ взглядамъ П. Б. Струве и старающихся эти взгляды развить и примѣнить къ новымъ проблемамъ, въ сборникѣ въ сущности только три. Сюда относится ясно написанная статья *Н. Долинскаго* «Проблема конъюнктуры въ связи съ ученіемъ о кризисахъ», ограничивающаяся, впрочемъ, простымъ изложеніемъ состоящаго вопроса о конъюнктуры въ современной экономической теоріи. *К. Зайцевъ* въ статьѣ «Государство какъ единство и система» ставитъ себѣ задачей синтезировать теоріи государства какъ лица и какъ правоотношенія. Въ основу этой попытки онъ кладетъ различіе понятій «простой совокупности, единства и системы», составляющее, по его мнѣнію, «одно изъ плодотворнѣйшихъ достиженій научной работы П. Б. Струве». Если даже признать это утвержденіе извинительнымъ для автора, какъ не-философа, не обязаннаго знать, что указанное различіе, составляющее общее мѣсто современной философіи, въ лучшемъ случаѣ только по своему формулировано П. Б. Струве, но отнюдь не открыто имъ и даже не впервые примѣнено имъ къ проблемамъ соціальной дѣйствительности, то врядъ ли можно признать допустимымъ утвержденіе автора, что «по отношенію къ современному государству никакое право *формально* не можетъ быть признаваемо до или *въ* государственнымъ, отъ государства независимымъ, для государства формально неприкосновеннымъ». Во всякомъ случаѣ авторъ долженъ былъ бы не ограничиваться простымъ утвержденіемъ, но привести и нѣкоторыя доказательства въ защиту этого своего положенія, столь противорѣчающаго какъ современной юридической теоріи о суверенитетѣ права надъ государствомъ, такъ и положительному праву (срв., напр., признаніе въ Веймарской конституціи международнаго «вънѣгосударственнаго» права обязательнымъ и неприкосновеннымъ для государствъ). — Въ не меньшей мѣрѣ не повезло указанному различію между «системой» и «субъективнымъ единствомъ» въ статьѣ *И. Гримма* «Двойственность государственно-общественнаго бытія въ ученіи Аристотеля». Разбирая полемику Аристотеля противъ Платонова коммунизма, авторъ усматриваетъ значеніе ея въ томъ, что въ ней «Аристотель предвосхищаетъ теорію П. Б. Струве», и что, «додумывая мысль Аристотеля до конца», онъ «получаетъ отчетливую, вполне развитую мысль П. Б. Струве». Независимо отъ сугубо провинціальнаго тона этихъ утвержденій, представляется страннымъ вмѣнять именно Аристотелю «отсутствіе додуманнаго до конца ученія о цѣломъ и его видахъ». И точно также непонятно, какъ возможно приписывать Платону, явно утверждающему, что естественнымъ стимуломъ хозяйственной дѣятельности является частный, корыстный интересъ, и на этомъ именно основаніи исключающему хозяйственное сословіе изъ коммунистически устроеннаго государства, утвержденіе, что «структура *хозяйственной* (!) жизни сожителствующихъ людей можетъ быть монистической».

Остальныя статьи сборника не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ научнымъ взглядамъ юбиляра. За исключеніемъ

статей *Ал. Билимовича* «Плюсь хозяйствованія» и *И. Ильина* «О пріятіи права», являющихся скорѣе краснорѣчивыми апологіями общаго характера на тему о культурной цѣнности хозяйства и права, онѣ представляютъ собою небольшіе этюды на частныя темы экономического, юридическаго, историческаго и философскаго характера. Изъ нихъ только статьи, посвященныя русской современности, отличаются нѣкоторымъ единствомъ общаго настроенія. Таковы статьи *Б. Бруцкуса* «О природѣ русскаго аграрнаго кризиса», *А. Изгоева* «Общинное право», отчасти *А. Каминки* «Тиль будущаго русскаго хозяйства», убѣдительно показывающія, что подъ покровомъ коммунистической идеологии русская революція въ области хозяйства привела къ торжеству идей *П. Столыпина*. — Изъ остальныхъ статей отмѣтимъ интересные этюды *Ал. Витта* «Современное положеніе англійской хлопчатобумажной промышленности», *Н. Тимашева* «Право на наказаніе и право на исполненіе приговора», *Г. Вернадскаго* «Замѣчанія о юридической природѣ крѣпостнаго права», *А. Кизеветтера* «Иванъ Пересвѣтовъ», *А. Мейендорфа* «Англичане XVII и XVIII столѣтія о русскихъ и о Россіи», *Б. Нольде* «Сводъ Законовъ о состояніи людей въ государствѣ», *С. Булгакова* «Упостась и упостасность», *Г. Ландау* «Пессимизмъ и оптимизмъ».

Самое разнообразіе перечисленныхъ темъ, такъ же какъ и отсутствіе внутреннего единства въ ихъ трактовкѣ показываетъ, что у *П. Б. Струве* больше друзей и поклонниковъ, желавшихъ почтить его своими подношеніями, чѣмъ послѣдователей и учениковъ, продолжающихъ и углубляющихъ высказанныя имъ идеи. И это вслѣдствіе понятно. Философскій плюрализмъ *П. Струве* какъ нельзя болѣе соответствуетъ общему характеру его какъ мыслителя и ученаго. Сила *П. Струве* въ его неустанномъ исканіи, въ смѣлости, съ которой онъ отказывается отъ традиціонныхъ взглядовъ (самый марксизмъ его былъ не чѣмъ инымъ, какъ рѣзкимъ отказомъ отъ народнической традиціи), въ способности схватывать новыя проблемы, намѣчать новыя пути и хѣрзрѣшенія. Отсюда его непрерывная «эволюція» послѣдняго времени, не позволявшая ему долго задерживаться на одной и той же позиціи и мѣшавшая ему переработать свои «критическія замѣтки» въ разработанную «систему». Если позали этого систематическаго плюрализма и чувствуется нѣкоторое глубокое внутреннее единство, позволяющее въ нѣпѣннемъ одностороннемъ защитникѣ плюрализма и неоманчестерства узнавать все того же *Струве*, исходнымъ пунктомъ научной эволюціи котораго былъ правотѣрный монистическій марксизмъ, то это есть единство личности, а не теории, ирраціональное и трудно поддающееся формулировкѣ единство жизненнаго устремленія, а не рациональнаго, въ понятіяхъ себя выражающаго научнаго убѣжденія. Превосходный будитель мысли, *Струве*, какъ это показываетъ и настоящій сборникъ, оставилъ послѣ себя множество благодарныхъ ему учениковъ и поклонниковъ, но врядъ ли сколько нибудь значительную школу своихъ послѣдователей.

Sergius.